
Р-5166 провалил экзамен — провалил с треском. В обычные дни он держался в нижней пятёрке, но на этот раз сдал почти чистый лист и занял последнее место.

Несколько ребяташек, отсеянных вместе с ним, расплакались. Р-5166 тоже хотелось плакать — только не от желания остаться, а потому что он скучал по Матери.

Это было странно. За два с лишним года жизни в исследовательском центре Р-5166 вдруг осознал, что всё здешнее существование вместе взятое не стоит даже тех неполных двух недель, что он провёл рядом с Матерью.

Р-5166 считал Мать самым красивым существом на свете. Та же самая лабораторная роба, что и у всех, — а стоит ему встать среди людей, и сразу видно: не такой. Кожа белая, как луна, волосы чёрные, как тушь на шёлке, губы красные, точно выкрашенные... Почти каждый, кто проходил мимо, невольно оглядывался и искал повод заговорить.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Добрый день.

— Добрый день.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер.

Все они специально подходили к Матери — Р-5166 это прекрасно понимал. Если бы могли, жались бы к нему без конца.

Как и он сам. Р-5166 был рад, что он маленький: ребёнку само собой разрешается держаться рядом, держать за руку... Мать был полужверочеловеком, его температура тела выше человеческой — и это было самое горячее тепло, которое Р-5166 когда-либо чувствовал.

Но всего этого... больше нет. Р-5166 крепко сжал губы, удерживая слёзы. Хотелось спросить Учительницу Хэ: можно ли увидеть Мать ещё раз? Только не с красными глазами.

У токсичных людей глаза и так красные. Некрасиво.

Отец появился внезапно. Пока дети ещё плакали, он вдруг схватил Р-5165 за волосы.

В экзаменационном зале разом стало тихо.

Р-5166 только сейчас заметил: 5165 тоже не прошла отбор. Хотя она такая умная... Отец стоял перед ней, удерживая пальцами прядь у неё на лбу, и длинноватые волосы слегка падали ему на лицо, а глаза за стёклами очков были ледяными.

— Не думай, что ты такая умная, д-0328, — произнёс он.

Р-5165 расплакалась навзрыд:

— Прости меня, Отец, я плохо написала... прости... прости...

— Хм. Всё притворяешься?

Правой рукой Отец ткнул в воздух — развернулся виртуальный экран. В полутёмной камере была заперта взрослая женщина-токсичный человек, разительно похожая на Р-5165.

— Мне что, сжечь твой материнский организм?

Лицо 5165 исказилось. Тёмно-зелёные черты стали незнакомыми, чужими — она рванулась из захвата, потеряв клочок волос, но в ту же секунду рука Отца вытянулась и прошила её грудь насквозь.

Р-5166 застыл.

Отец медленно убрал вытянувшуюся руку. Подхватил 5165, поволок прочь... Проходя мимо Р-5166, он не замедлился ни на шаг — и Р-5166 не пошевелился, даже глаз не поднял.

Тёмно-зелёная кровь 5165 капала из пробитой груди на пол. Она была жива — и успела поймать руку Р-5166...

Р-5166 похолодел от ужаса.

Хорошо, что Отец не задержался. Скоро он уволок Р-5165 из зала. Р-5166 разжал ладонь — чёрное семечко. Он вспомнил, как 5165 всегда называла его плаксой, стиснул семечко в кулаке и не заплакал.

Она оставила ему это семечко. Он понял: она хотела, чтобы он вынес её отсюда.

Кто-то из детей спросил Учительницу Хэ, что случилось с 5165. Учительница сказала: напроказила, вот Отец и наказал. Р-5166 не верил. В голове у него жило только одно — Мать.

Мягкие руки Матери. Тихий взгляд. Слова, произнесённые вполголоса:

«Когда выйдешь отсюда — если испугаешься или захочешь меня увидеть... найди Луи Смита. Он глава Западной Федерации. И мой партнёр».

Найти Луи Смита... Найти Луи Смита! Эта дерзкая мысль вспыхнула в голове Р-5166, и он сам себе показался нелепым. Он токсичный человек. После выхода он должен стать Святым сыном, вести своих за собой, уничтожать звероловцев...

Но почему они вообще должны уничтожать звероловцев? Р-5166 растерялся. Кто это решил? Ах... Отец. Значит, нужно слушаться Отца — ведь это он вернул им разум. Но откуда-то из глубины памяти снова и снова поднимался тот тихий голос:

«Тебе незачем воевать с звероловцами. Твоя жизнь принадлежит тебе».

«Живи хорошо».

Р-5166 сжал семечко в кулаке, опустил голову и заплакал.

Мать... Мать...

Учительница Хэ повела отсеянных детей на самый нижний ярус центра — туда, где был выход к морю. Она сказала, что снаружи их встретят другие токсичные люди, а знания, полученные на острове, обеспечат им уважение среди своих.

Многие дети уже успокоились и предвкушали, как станут вожаками. Р-5166 блуждал мыслями где-то далеко: то вспоминал Мать, то видел перед собой пробитую грудь 5165, то ледяные глаза Отца за стёклами очков... Очнулся он, лишь когда вслед за остальными прыгнул в шлюз — ледяная вода накрыла его с головой.

Вода не могла их задушить: они были мутировавшими токсичными людьми, в их генах жила часть растений, кожа умела дышать. Но давление морской толщи всё равно сковало Р-5166 страхом. Он посмотрел вниз — там зияла тьма, как разверстая бездна.

Он поднял голову — и увидел: огромный остров нависал над ними, как гора. А вокруг острова скользили синие киты — много, очень много; влекомые чем-то невидимым, они кружили рядом и двигались вперёд вместе с ним.

Несколько детей поплыли к китам. Р-5166 помедлил, потом последовал за ними — и вдруг услышал звук. Оглушительный, невыносимый, как ледяное шило, вонзившееся прямо в мозг. Сердце заколотилось так, что грозило разорваться. Пальцы рук и ног пронзила острая боль — лопаются сосуды. Повинуясь чистому инстинкту, Р-5166 развернулся спиной к острову и бросился прочь, не разбирая дороги.

— Все ушли? — спросил исследователь, управлявший генератором инфразвука.

Второй тщательно обшарил взглядом все мониторы. Детей-токсичных на экранах не осталось.

— Угу. Все. Выключай.

Инфразвук был низкочастотным — но и для человеческого организма небезвредным.

Исследователь выключил прибор.

Лу И стоял у стеклянной стены зала, буравя взглядом бесконечную гладь океана.

Прошла ещё одна неделя — базу Перезагрузчиков так и не нашли. Дроны прочесали территорию, давно превышающую радиус действия маяка, и Лу И был вынужден признать правоту Сируса: либо база сменила положение, либо где-то за пределами того маяка есть другие ретрансляторы — и они ищут не там.

Семьдесят один процент Земли — это океан. Когда же они найдут Тан Буфаня?

Лу И сжал кулак. Захотелось одним ударом разнести стекло перед собой.

Три дня. Если за три дня Перезагрузчики не найдутся — он возвращается в Восточную Федерацию, идёт к Го Шэню, и вместе они начнут давить на людей Подземного города Восточного округа. Пусть даже снова вспыхнет война между людьми и зверолюдьми — Перезагрузчики должны выйти из тени.

Сейчас, в эту минуту, он вдруг, кажется, понял Ханса. Понял ту массовую резню, что тот устроил когда-то в рядах Фракции сопротивления Западного округа.

— Господин Луи. — За спиной раздался голос Сируса. — Мы обнаружили на поверхности воды маленького мальчика-токсичного.

— Святой сын? — Лу И не обернулся, не выпустил поручень.

— Похоже на то.

За последнее время им попадались многие из тех, кто покинул остров, — и юные святые сыновья и святые дочери, и уже повзрослевшие, ставшие непримиримыми вожаками своих. Поначалу Лу И пытался захватывать их, добиться координат острова. Быстро стало ясно: бесполезно. На зверолодей они реагировали с яростью, которой не было у обычных токсичных, а чем старше — тем глубже ненависть, точно поклонение сородичей только укрепляло в них эту веру. Ради острова и своих они выбирали смерть.

Лишь один-два совсем маленьких — те, что ещё не успели пропитаться фанатизмом, — не пошли на это. Но местонахождения острова они тоже не знали: в момент выхода раздавался какой-то ужасающий звук, разрывавший голову, и они плыли прочь, куда глаза глядят, пока боль не стихала, — а потом уже не могли сказать, где они и где остров.

Да и те дети, которых удавалось поймать, с каждым днём угасали — это работал ген, вшитый Зеро в их тела.

Так что хватать этого мальчика Лу И не собирался.

— Не трогайте. — Он не двинулся с места. Их летательный аппарат висел в небе; токсичные в воде им не угроза. Незачем тратить время — пусть с ними разбираются военные корабли Восточной и Северной федераций.

— Но этот мальчик немного другой, — сказал Сирис. Щёлкнул пальцем — в воздухе развернулся виртуальный экран. — Он один. Дрон обнаружил его ещё позавчера: поблизости было целое скопление токсичных, но он их избегал и плыл следом за нашим дроном.

Лу И наконец обернулся.

На экране — тёмная поверхность воды. Из неё выглядывало только поллица: зеленоватый ребёнок с кроваво-красными глазами, не отрывающими взгляда от дрона. Страшно ему или нет — не разберёшь. Прочь не плывёт. Но и бесстрашия в этих широко открытых глазах нет — в них стоит неприкрытый ужас.

Что-то здесь было не так.

Лу И взял управление дроном на себя и опустил его ниже, к маленькому зелёному токсичному.

Шум волн, крики морских птиц — за эти недели их развелось куда больше обычного, вместе с быстро множащимися морскими токсичными. Мутировавшие рождаются легко и умирают быстро.

Дрон снизился до нужной высоты. Лу И уже приготовился подать ребёнку сигнал — и тут мальчик, собравшись с духом, крикнул во всё горло:

— Луи! Смит! Я... я ишу... Луи! Смит!

Лу И распахнул глаза.

<http://bllate.org/book/19039/2003784>